

ГЕРД ХЕНТШЕЛЬ
Ольденбург

БЕЛОРУССКАЯ «ТРАСЯНКА» И УКРАИНСКИЙ «СУРЖИК»: ОБ ОСНОВНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В СТЕПЕНИ ВЛИЯНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. *Вводные замечания.* Как известно, в Беларуси и Украине существуют две формы смешанной речи (белорусско-русская и украинско-русская), которые даже получили собственные названия: «трасянка» и «суржик». Известно также, что оба названия имеют негативную коннотацию. Чтобы избежать этой коннотации, мы будем пользоваться терминами БРСР и УРСР¹. Хотя здесь и говорится о речи, но ни в коем случае не отрицаются тенденции развития системных структур².

Обе эти формы смешанной речи или смешанного идиома используют миллионы людей в этих странах. При этом ситуация в обеих странах отнюдь не представляет собой комплементарную дистрибуцию, при которой одна часть населения практикует смешанную речь, а другая, смотря по обстоятельствам, говорит на одном из доступных литературных языков, а именно — белорусском / украинском или русском. Чрезвычайно распространена «многокодовость»: преобладающее большинство составляют те, кто, по крайней мере, в **определённых коммуникативных ситуациях** в одних случаях регулярно использует смешанную речь, а в других применяет один из двух доступных литературных языков³. Выявление «многокодовости» основывается не только на за-

¹ Белорусско- / украинско-русская смешанная речь.

² См. Г. Хентшель, *Регулярная вариативность или «хаос»: Вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки», «Вопросы языкознания»* 2016, № 6, с. 84–112; Г. Хентшель, *Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки», «Русский язык в научном освещении»* 2017, № 1 (33), с. 210–251.

³ См. для Беларуси — Г. Хентшель, Б. Киттель, *Языковая ситуация в Беларуси: Мнение белорусов о распространённости языков в стране*, „Со-

явлениях самих респондентов, но и на собранном в корпус языковом материале⁴. Русский язык, на котором говорят в Беларуси и Украине, также и у образованного населения имеет «ареальную окрашенность», как, например, это описывает Борис Норман⁵ для «белорусского нациолекта» русского языка. В нынешней ситуации восприятие БРСР / трасянки и УРСР / суржика как недоученного русского языка⁶ в большинстве необоснованно.

Три восточнославянских языка близки генетически и чрезвычайно похожи структурно, при этом структурное сходство белорусского языка с русским более выражено, чем украинского с русским⁷, хотя это, конечно, сложно «измерить». При языковом контакте между генетически близкими и структурно похожими языками можно скорее заметить явления, которые видны при так называемом нивелировании диалектных особенностей или же при взаимодействии литературного языка и субварианта этого же языка⁸. При таком сочетании это приводит к смешиванию между языками или же их вариантами, которое Мейскин⁹ называет «конгруэнтной лексикализацией». В значительной мере конгруэнтные структурные границы между морфемами, словоформами, частями фраз (именных или глагольных групп и т.п.) в предложениях приводят к сосуществованию даже вну-

циология» (Минск) 2011, № 4, с. 62–79, для Украины — Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, «суржик»* (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування), „Мовознавство” 2015, № 4, с. 3–25, Г. Гентшель, П. Целер, *Аспекти використання мов у центральних регіонах України*, „Соціологія: теорія, методи, маркетинг” 2016, № 4, с. 142–163; Г. Гентшель, П. Целер, *Мови і коди в центральних регіонах України: думки та атитюди*, „Соціологія: теорія, методи, маркетинг”, 2017 № 1, с. 103–127.

⁴ См. G. Hentschel, J.P. Zeller, *Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien*, „Wiener Slawistischer Almanach” 2013, 70, с. 187–215.

⁵ B. Norman, *Русский язык в Беларуси сегодня*, „Die Welt der Slawen” 2008, 53, с. 289–300.

⁶ И. Лисковец, *Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку*, Дис. канд. филол. наук, ЕУСПБ, СПб 2006.

⁷ Об этом писал ещё Г. Броеп; см. Н. Bräuer, *Slavistische Sprachwissenschaft*, Bd. I, Berlin 1961, с. 51.

⁸ См. S.G. Thomson, *When is the diffusion of inflectional morphology not dispreferred?*, в: F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze (ред.), *Borrowed morphology*, De Gruyter Mouton, Berlin 2015, с. 30.

⁹ P. Muysken, *Bilingual speech. A typology of code-mixing*, Cambridge University Press, Cambridge 2000.

три словоформ, если не внутри морфем или алломорфов структурных свойств как одного, так и другого языков или их вариантов. Для гибридности внутри словоформ характерны и очень распространены сочетания русских основ с белорусскими окончаниями, например, смеш. *vtar-y*¹⁰ vs. блр. *друг-і* и русск. *второй*, смеш. *zermal-y* vs. блр. *люстр-ы* и русск. *зеркал-а*, смеш. *raliŭa-je* vs. блр. *атрымліва-е* и русск. *получа[ʃj]-ет*. Эти формы встречаются даже чаще, чем полностью белорусские, т.е. содержащие исключительно специфически белорусские основу и окончание. Случаев комбинации белорусской основы с русским окончанием очень мало, например, смеш. *nijak-ava* vs. блр. *ніяк-ага* [-aʷa] и русск. *никак-ого* [-ovə], смеш. *pryjdzj-ot* vs. блр. *прыйдз-е* и русск. *прид-ёт*. Сильное преобладание сочетания русских основ с белорусскими окончаниями отражает тот хорошо известный и, возможно, универсальный факт, что носители одного языка или идиома усваивают лексические единицы другого языка легче, чем грамматические. Пример этого феномена в пределах границ морфем: В БРСР, напр., широко распространены формы м. / ср. р. в тв. п. ед. ч. смеш. *étym* вместо блр. *гэтым* и русск. *этим* или в род. п. мн. ч. смеш. *étuch* вместо блр. *гэтых* и русск. *этих*. Таким образом, алломорф основы в БРСР в этих двух парадигматических позициях сочетает гласный в начальной позиции, как это имеет место в русском языке, и твердый звук в финальной позиции основы, как в белорусском. Соответственно, это приводит к белорусскому произношению окончаний *-ым* / *-ых*. С точки зрения частоты типов в смешанной речи гибридность внутри морфем является довольно редкой. Однако, поскольку указательные местоимения довольно распространены в речи (тексте), феномен является очень заметным с точки зрения частоты токенов. Гибридность в границах слова не ограничивается только словоизменительной морфологией. Вот только два примера из словообразования: смеш. *daŭlennja*, ср. русск. *давление* (блр. *ціск* / *націск*) и смеш. *sastajannja*, ср. русск. *состояние* (блр. *стан* / *знаходжанне*) с деривационной (и звуковой) адаптацией к белорусским образцам¹¹.

¹⁰ В примерах из смешанной речи (в латинице) отображено произношение.

¹¹ Подробнее об этом см. D. Levikin, *Derivationsmorphologie in der weißrussisch-russischen gemischten Rede in Weißrussland*, Oldenburg 2015 (неопубликованная магистерская работа).

Другие формы языкового смешения в широком смысле, в частности, переключение кода по типу инсерции и альтернативности¹², занимают явно второстепенную роль¹³. В обоих этих типах изменения между элементами одного и другого языка привязаны к границам частичных структур в предложениях (именные группы, конструкции с предлогами и т.д.) выше уровня слова. Четкие случаи переключений инсерционного типа в БРСР, и то в основном в форме появления отдельных русских слов в контексте явно выраженного белорусского предложения, Теш описывает как редкие. Также редкими, согласно Теш, являются случаи переключения кода по типу альтернативности внутри предложений («интрасентенциально»). «Интерсентенциально», то есть между отдельными предложениями (высказываниями) или частями предложений, говорящие, владеющие несколькими кодами, во фрагментах беседы в смешанном дискурсе могут чередовать смешанную речь (БРСР) с литературными языками, прежде всего с русским или белорусским¹⁴, хотя и в слегка русифицированном варианте¹⁵. Напр., в зависимости от собеседника или от темы в разговоре с одними / об одном используют БРСР, с другими / о другом — русский¹⁶.

С учетом этих особенностей Герд Хентшель¹⁷ сравнивает БРСР (похожее применимо также и к УРСР) с региональными или городскими диалектами, которые, как, например, на юге Германии, являются разновидностями смешанной речи, появившейся из литературного языка и местных говоров. Таким образом, БРСР и УРСР относятся к одной из распространенных в Европе моделей смешения, которая складывается из преоб-

¹² Ср. P. Muysken, *Bilingual speech...*, с. 60–121.

¹³ См. S. Tesch, *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede. Kodemischen und Morphosyntax*, Oldenburg 2014, с. 101–168.

¹⁴ См. G. Hentschel, J. P. Zeller, *Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien*, „Wiener Slawistischer Almanach“ 2013, 70, с. 187–215.

¹⁵ Ср. В. Norman, *Русский язык в Беларуси сегодня*, „Die Welt der Slawen“ 2008, 53, с. 289–300.

¹⁶ Что касается случаев переключения кодов по типу интерсентенциальной альтернативности, в корпусе УРСР наблюдается преимущественно колебание между смешанной речью и украинской (а не русской, как в БРСР), о чем вскоре будет изложено подробнее в другой публикации (см. также ниже).

¹⁷ Г. Хентшель, *Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь*, „Вопросы языкознания“ 2013, № 1, с. 53–76.

ладающих в общественной жизни литературных кодов в роли акролектов и из их местных языковых разновидностей (говоров) в роли базилектов. Последние, часто утрачиваемые в связи с урбанизацией, оставляют всё же свои значительные следы в смешанных мезолектах. Специфика Беларуси и Украины заключается лишь в том, что доминирующим литературным языком до 1990-го года¹⁸ на протяжении примерно столетия был русский язык (который, по меньшей мере в Беларуси, все ещё употребляется повсеместно), а не возникшие с конца XIX века (в Украине) или в начале XX века (в Беларуси) литературные (кодифицированные) варианты «титульных языков» — украинского и белорусского. Последние были (в Украине — за исключением западного региона) слабо укоренены в обществе, и эта ситуация сохраняется по сей день, как минимум в Беларуси. С одной стороны, негативная коннотация смешанных мезолектов БРСР и УРСР вытекает из пуристически-централистской языковой идеологии национального языка, которая существует не только в России, но и в Беларуси и Украине, а с другой стороны, она возникает вследствие длительного, то более сильно, то более слабо выраженного ущемления социально-политических интересов, если даже не дискриминации белорусского и украинского языков в пользу русского. Со стороны «сознательной» в языковом плане элиты смешанная речь (мезолект) подверглась настоящей стигматизации¹⁹.

Особенно генетически близкие и структурно похожие акролекты, мезолекты и (пока еще существующие) базилекты образуют континуум, в котором говорящие могут в своей речи относительно плавно «осциллировать» между тремя «лектами». Индивидуальные особенности могут определяться разнообразными факторами: степень владения акролектами, с одной стороны, или «старыми» базилектами, с другой стороны; склонность индивидуумов по отношению к трем лектам в повседневной жизни; конкретная речевая ситуация (собеседник, темы...), а также идеологически обусловленная (основанная на

¹⁸ Конечно же, речь не идет о западных частях обеих стран, которые между двумя мировыми войнами входили в состав территории Польши, а до этого, вплоть до Первой мировой войны, находились под сильным польским влиянием.

¹⁹ См. Г. Хентшель, *Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки»*, „Русский язык в научном освещении” 2017, № 1 (33), с. 210–251.

дискриминации) неприязнь в отношении смешанного, «нечистого» мезолекта и т.д.

Смешанные мезолекты в речи чрезвычайно вариативны, однако вовсе не хаотичны: спонтанное «смешивание» налагается на конвенционализированное²⁰. Представленный взгляд на УРСР и БРСР как речевые варианты, которые в качестве неофициально-бытового кода вместе с доминирующим официальным литературным кодом или же, особенно в Украине, — с двумя²¹ заполняют один языковой социологический континуум, позволяет определить вариативность внутри смешанного кода как смещение регистра и стиля²². В этой стилистической вариативности говорящие владеют «частотной интуицией»²³, которую они применяют при выборе конкурирующих конструкций и средств выражения в конкретных языковых ситуациях. Термин «частотная интуиция» основывается на более раннем понимании того, что говорящие имеют представление о частоте использования языковых элементов, прежде всего слов. Фрумкина говорит о «субъективной оценке вероятности частот слов»²⁴; соответственно на польском это определяется как «prawdopodobieństwo subiektywne»²⁵. Эта «субъективная частотность» достаточно хорошо коррелирует (несмотря на некоторые системные расхождения) с «объективной», основанной на подсчете элементов, встречающихся в соответствующих корпусах. После упомянутых ранних исследований по субъективной частотности слов в славянских языках она долгое время почти не была предметом лингвистического исследования.

²⁰ См. Г. Хентшель, *Регулярная вариативность или «хаос»: Вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки»*, „Вопросы языкознания” 2016, № 6, с. 84–112.

²¹ В то время как белорусский литературный язык (особенно в своем устном варианте) едва представлен в обществе, украинский язык в Украине, без сомнения, в настоящее время занимает лучшую позицию в обществе, чем в годы существования Советского Союза.

²² О смещении стиля см. N. Schilling-Estes, *Investigating stylistic variation*, в: J.K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (ред.), *The handbook of language variation and change*, Blackwell Publishing Ltd., Malden 2002, с. 375–401.

²³ См. J.K. Chambers, *Patterns of variation including change*, в: J.K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (ред.), *The handbook of language variation...*, с. 350.

²⁴ Р.М. Фрумкина, *Объективные и субъективные оценки вероятности слов*, „Вопросы языкознания” 1966, № 2, с. 90–96.

²⁵ W. Jassem, D. Gembiak, *Subiektywne prawdopodobieństwo wyrazów polskich*, PWN, Warszawa–Poznań 1980.

Только за последние 10–15 лет количество таких исследований снова возрастает²⁶. Хотя Чемберс (насколько мне известно) и не ссылается на эти работы, в его представлении частотную интуицию можно рассматривать как перенос представления о частоте элементов в (данном) языке на частоту в отдельных регистрах или субвариантах (данного) языка. Так как русский язык, с одной стороны, как и белорусский и украинский, с другой стороны, демонстрируют высокую степень структурной конгруэнтности и определенную степень взаимопонятности, смешанную речь можно рассматривать как регистр между языками-донорами, который социолингвистически выступает в качестве субварианта в белорусском и украинском обществе²⁷. В сегодняшней ситуации в Украине и в Беларуси для многих из тех, кто, по крайней мере в определенных контекстах, разговаривает на УРСР / БРСР (на которой они социализировались в детстве), это означает, что они, исходя из этой смешанной речи, в более формальных контекстах могут приближаться к тому или иному литературному коду путем выбора соответствующих языковых средств (слов или же основ, но также окончаний, аффиксов... из одного или другого языка-донора). Таким образом они по мере необходимости и в зависимости от собственной компетенции могут прийти до совершенного владения литературным языком²⁸.

2. *К методике анализа.* Для того, чтобы понимать частотную интуицию (в представлении Джака Чамберса²⁹) говорящих

²⁶ См., напр., T. Anstatt, Chr. Clasmeier, *Wie häufig ist poplakat'?* *Subjektive Frequenz und russischer Verbalaspekt*, „Wiener Slawistischer Almanach“ 2012, 70, с. 129–163.

²⁷ См. Г. Хентшель, Б. Киттель, *Языковая ситуация в Беларуси: Мнение белорусов о распространенности языков в стране*, „Социология“ (Минск) 2011, № 4, с. 62–79; Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України...*, с. 3–25.

²⁸ Для многочисленных белорусов и украинцев, чья первичная языковая социализация проходила на тряснке и суржике соответственно, Хентшель предлагает модель усвоения соответствующих литературных языков (белорусского / украинского с одной стороны и русского с другой), заключающуюся в разработке фильтров для элементов, которые неуместны в белорусско- / украинскоязычном контексте и которые неуместны в русскоязычном; Г. Хентшель, *Одиннадцать вопросов и ответов...*, с. 210–251. (Чем ближе белорусские / украинские элементы с одной стороны и русские — с другой, тем сложнее эта задача). Это происходит самое позднее тогда, когда дети начинают изучать в школе соответствующие языки.

²⁹ См. J.K. Chambers, *Patterns of variation including change*, в: J.K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (ред.), *The handbook of language variation...*, с. 349–372.

на УРСР и БРСР, необходимо, конечно, попытаться определить в них «нормальное» частотное позиционирование респондентов в смысле узуально-количественной доли белорусских или украинских элементов с одной стороны и русских — с другой. Иными словами, при помощи квантитативных методов определяется степень «русификации» или гибридизации УРСР / БРСР, причем предполагается (по крайней мере исторически) существование прототипической УРСР, основанной на украинском, или БРСР, основанной на белорусском³⁰. При вариантах смешивания генетически близких и чрезвычайно структурно похожих языков вопрос, где именно (согласно положениям Петера Ауэра³¹) заканчивается один язык и начинается другой, возникает особенно резко, и связано это с обилием так называемых диаморфов, которые являются общими для обоих языков. Проще говоря, диаморфы — это элементы выражения, которые в обоих языках до определенного уровня абстрагирования (см. ниже) обнаруживают одинаковую морфонемную репрезентативность и функционально или семантически эквивалентны. Определение диаморфов логически предполагает дифференцирование «не-диаморфов», которые явно можно отнести к одному из контактирующих «языков-доноров». Поэтому в настоящем исследовании 'белорусские' (б), 'украинские' (у), а также 'русские' (р) элементы дифференцируются как специфические или как 'общие' (о)³². Сюда же относятся также 'гибриды' (г), которые, как правило, представляют морфологически комплексные единства, когда должен быть представлен как минимум один специфический морф из обоих языков. Реже морфы описываются

³⁰ С этим традиционным отличием (ср., например, M. Flier, *Suržyk or suržyky*, в: G. Hentschel, S. Zaprudski (ред.), *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*, BIS-Verlag der Carl-von-Ossietzky-Univ., Oldenburg 2008, с. 39–56 и С. Запрудскі, *Маўленчая акамадацыя і пераключэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі*, в: G. Hentschel, S. Zaprudski (ред.), *Belarusian Trasjanka and Ukrainian...*, с. 72) связан ряд теоретических и эмпирических проблем, по крайней мере при синхронном описании явлений (см. Г. Хентшель, *Одиннадцать вопросов и ответов по поводу белорусской «трасянки»*, „Русский язык в научном освещении” 2017, № 1 (33), с. 227–228).

³¹ P. Auer, *Bilinguales Sprechen: (immer noch) eine Herausforderung für die Linguistik*, „Sociolinguistica” 2006, 20, с. 4–9.

³² То, что прилагательные 'белорусский', 'украинский' и др. заключены в одинарные кавычки, показывает, что речь идет о фиксации величины в подробном теоретически-обоснованном алгоритме, а не об общеязыковом донаучном определении (см. ниже).

в качестве 'гибридов' сами по себе. Кроме того, определяется, на каком уровне абстрагирования обнаруживается гомофония. В качестве иллюстрации ниже приводится небольшой пример, первые три формы глагола «быть» в настоящем времени — рус. *быть*, бел. *быць*, укр. *бути*:

форма	рус.	бел.	укр.	морфонемерно	фонически
1-е л., ед. ч.	budu	budu	budu	о	о
2-е л., ед. ч.	bud'eš	budz'eš	budeš	о	р – б / у
3-е л., ед. ч.	bud'et	budz'e	bude	р – б / у	р – б / у

Когда эти морфонемерно и функционально эквивалентные формы (в которых для каждого из языков есть соответственное нормативное произношение) выступают в БРСР или УРСР, в первом лице как на уровне морфонеменной репрезентации, так и фонически (фонологически или фонетически) мы рассматриваем их как 'общие'. Формы второго лица морфонемерно 'общие', но отличаются фонически: речь идет о фонетической реализации конечного звука основы <d>: рус. [d'], бел. [dz'], укр. [d]. Это регулярные, «закономерные» соответствия звуков в трех восточнославянских языках, которые, однако, не представляют различий на морфонежном уровне. Что касается основы, то для форм третьего лица ситуация такая же, но они отличаются друг от друга возникновением конечного звука /t/ в русском, который отсутствует в белорусском и украинском. И это является различием в морфонеменной репрезентации. Конечно, в БРСР и УРСР существуют и другие варианты произношения форм 3 л. ед. ч., например, [budz'et] / [budet]³³. Их, несмотря на некоторое фонетическое влияние белорусского и украинского языков, морфонемерно классифицировали как 'русские'. В действительности эти варианты произношения, как известно, можно услышать и в нациолекте русского языка в Беларуси и Украине. Последующий анализ нацелен на морфонежный уровень³⁴.

³³ Кроме того, конечно, фонетическая реализация гласного в окончании также может варьироваться между гласными, похожими на [i] или [e/ɛ], но это является феноменом не морфонеменной репрезентативности, а поверхностно-структурным, здесь фонетическим.

³⁴ О поверхностноструктурно-фоническом аспекте произношения в узком

Одним из примеров «композиционной» гибридной формы в УРСР является слово *odinaкові* в сравнении с рус. *одинаковые* и укр. *однакові*, в котором 'русская' основа сочетается с 'украинским' окончанием. Примером внутренней морфемной гибридности является слово БРСР *этум* в сравнении с рус. *этим* и бел. *гэтым*, в котором протетический «г» как часть морфемной репрезентативности выпадает, как в русском, но конечный звук основы, как в белорусском, реализуется не палатально.

Последующий анализ основывается на двух корпусах устной БРСР / УРСР, каждый объемом примерно в 400.000 словоформ. Опрос в Украине охватывает «расширенный» центр³⁵, исключая западную часть, побережье Черного моря и обе области на востоке, где в настоящее время ведутся военные действия. В Беларуси исключается диалектная область Полесье. Точнее говоря, в каждом случае представлены два отдельных субкорпуса: «семейный корпус», в котором представлены записи разговоров в семье или в кругу друзей, и «корпус интервью» на основе фрагментов интервью с лицами, которые в предшествующем опросе регулярно использовали БРСР / УРСР³⁶. Для характеристики УРСР и БРСР включены только те высказывания, которые являются 'гибридами' в том смысле, что они содержат как минимум одну 'белорусскую' / 'украинскую' и одну 'русскую' и / или 'гибридную' словоформу. Гибридные предложения или же высказывания образуют ядро смешанных идиомов.

смысле для УРСР см. J.P. Zeller, *Zum ukrainisch-russischen Sprachkontakt: Phonische Variation im ukrainischen 'Suržyk' im Vergleich mit der weißrussischen 'Trasjanka'*, в: *Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad 2018. Hgg. von S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph, Wiesbaden 2018 (= *Die Welt der Slaven. Sammelbände – Sborniki*), с. 365–376, для БРСР — G. Hentschel, J.P. Zeller, *Belarusians' pronunciation: Belarusian or Russian? Evidence from Belarusian-Russian mixed speech*, „Russian Linguistics” 2014, 38 (2), с. 229–255, Г. Генчэль, Я.П. Целэр, *Вымаўленне беларусаў: беларускае ці рускае? На прыкладзе беларуска-рускага змешанага маўлення*, Ч. 1. „Беларуская лінгвістыка” 2015, 74, с. 3–18 и ч. 2. „Беларуская лінгвістыка” 2015, 75, с. 3–18.

³⁵ Ср. Г. Хентшель, О.О. Тараненко, *Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, «суржик» (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування)*, „Мовознавство” 2015, № 4, с. 3–25.

³⁶ Ср. G. Hentschel, J.P. Zeller, S. Tesch, *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR*, Oldenburg [<http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>] для БРСР. Корпус и документация по УРСР будут опубликованы на том же сайте в 2018 году.

3. *Анализ.* Уже с первого взгляда становится заметным, что УРСР менее «русифицирована». Доля ‘украинских’ словоформ в УРСР в обоих корпусах составляет две пятых, тогда как ‘белорусские’ словоформы в БРСР едва составляют от 1/4 до 1/5. Соответственно, ‘русские’ словоформы в УРСР менее многочисленны по сравнению с БРСР. УРСР и БРСР здесь значительно отличаются³⁷; см таблицу 1:

Языковой код	Корпус	у/б, %	р, %	г, %	о, %	<i>Кол-во словоформ</i>
УРСР	семейный	39,7	17,6	8,0	35,0	101717
	интервью	42,8	17,3	7,6	32,3	128750
БРСР	семейный	24,6	27,3	3,8	44,3	112075
	интервью	19,0	31,3	3,6	46,0	87533

Таб. 1: Доля четырех категорий словоформ в кодах и субкорпусах

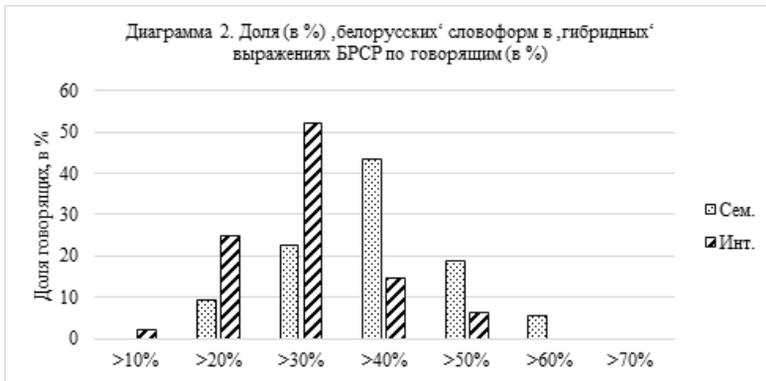
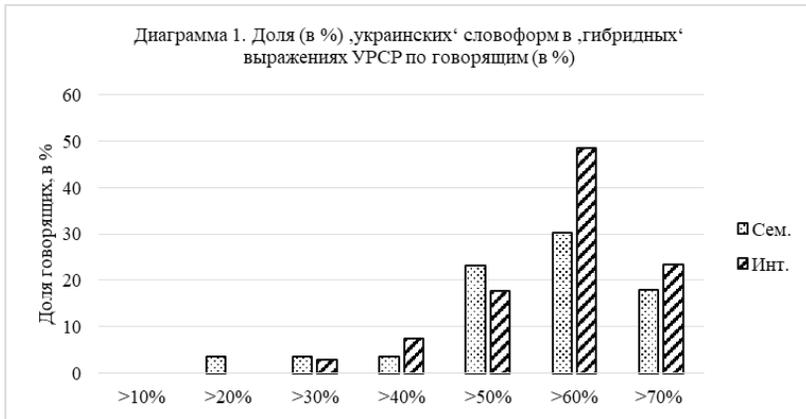
Значительными также являются различия в ‘общих’ словоформах. Они составляют в УРСР около трети, а в БРСР — почти половину. Это связано с бóльшим структурным сходством белорусского и русского языков.

В общем и целом, различия между двумя данными субкорпусами едва выражены. Это заметно потому, что, хотя в семейном корпусе члены семьи, друзья и знакомые образуют «практикующее сообщество» (*community of practice*), между отдельными респондентами, помимо этого, нет никаких отношений. Значения ‘гибридных’ и ‘общих’ словоформ в УРСР и БРСР в данных субкорпусах идентичны или чрезвычайно похожи. То же самое можно сказать и об ‘украинских’ и ‘русских’ словоформах в УРСР. Единственно имеется некоторое различие между ‘белорусскими’ и ‘русскими’ словоформами в БРСР (см. ниже).

³⁷ По соображениям экономии места «вычислительный аппарат» статистических исследований, проведенных здесь, следует опустить. Если речь идет о существенных различиях, они основаны на расчетах т. наз. силы (величины) эффекта η (см. N. Döring, J. Bortz, *Forschungsmethoden und Evaluation in den Sozial- und Humanwissenschaften*, Berlin 2016, 5. Aufl., с. 809–816). Этот параметр необходим из-за больших размеров выборки. Я благодарю своего ольденбургского коллегу Иштвана Фекете за проведение расчетов.

Конечно, таблица 1 представляет лишь средние значения. Не в последнюю очередь возникает вопрос, связанный с тематизированной Чемберсом (см. выше) «частотной интуицией» говорящих в социолингвистическом континууме, о том, какова доля категорий словоформ у отдельных говорящих, а также, можно ли определить у респондентов более или менее стабильные, узуально-количественные доли категорий словоформ, которые отражали бы частотную интуицию говорящих на БРСР и УРСР. Последующий анализ не принимает во внимание 'общие' словоформы. «Конкурентные отношения» существуют, как правило, между 'белорусскими' / 'украинскими' словоформами с одной стороны и 'русскими' или 'гибридными' — с другой. 'Общие' же словоформы не представляют никакого структурного контраста. Кроме того, при количественном исследовании обобщенно противопоставляются 'украинские' / 'белорусские' словоформы 'русским' и 'гибридным', так как темой настоящего исследования является степень русификации или гибридизации УРСР и БРСР, то есть речь идет о схожести или, соответственно, дистанцировании обоих смешанных типов речи относительно украинского / белорусского языка.

Последующий анализ охватывает лишь тех говорящих, которые привнесли в корпус как минимум 500 словоформ, то есть около 100 'гибридных' выражений. (Под 'гибридными' выражениями подразумеваем аналогичные описанным выше, каждое из них содержит как минимум один специфический 'украинский' / 'белорусский' и один 'русский' элемент, или же 'гибридный'). Во избежание случайных выводов говорящие с небольшим количеством словоформ остаются неучтенными. Было проанализировано около 50 респондентов в четырех субкорпусах, которые употребили более 95% от общего числа словоформ в 'гибридных' выражениях. В представленных ниже диаграммах отражено, насколько высока доля 'украинских' или 'белорусских' словоформ у отдельных говорящих, а именно — степень «устойчивости» против русификации или гибридизации смешанных идиом.

Сравнение первой (УРСР) и второй (БРСР) диаграмм показывает значительные различия³⁸. В то время как в УРСР большое количество отдельных респондентов, а именно почти четыре пятых, показывает долю 'украинских' словоформ от более 50 % до более

³⁸ Еще одно замечание о количественной методике анализа: учитываются только такие высказывания, которые либо (а) содержат по крайней мере один специфически белорусский / украинский и один специфически русский элемент (словоформу, морф) или (б) по меньшей мере один гибридный. Таким образом, каждое анализируемое высказывание показывает рефлекс смешивания. Арифметически это означает, что чисто теоретически частота белорусских / украинских или русских частей не может колебаться от 0 до 100 процентов, но примерно от 10 до 90 процентов: это зависит от средней длины высказываний в словоформах среди исследованных здесь отдельных говорящих. Как правило, в семейном корпусе это примерно 7 словоформ, в корпусе интервью — 9.

70% (максимум составляет 76 %), значения 'белорусских' словоформ у говорящих на БРСР значительно ниже. Существуют также значительные различия в БРСР между корпусом интервью и семейным корпусом. В то время как в последнем приблизительно девять из десяти респондентов показывают значения более 30%, но менее 60%, в корпусе интервью 9 из 10 респондентов находятся между значениями более 20%, но менее 50%.

Следует отметить, что бóльшая часть респондентов (восемь-девять из десяти) в обоих языках или субкорпусах по доли 'украинских' / 'белорусских' словоформ в УРСР / БРСР находится в узком «частотном коридоре». Именно эта узуально-количественная стабильность представляет частотную интуицию говорящих в типичной УРСР / БРСР. В УРСР центральным (средним арифметическим) является значение немного более 60% с отклонением в обе стороны приблизительно на 10 процентных пунктов, без значительных отличий между разговорами в семье и интервью. В БРСР центральное значение — 44% в семейном корпусе и 34% в корпусе интервью. Отклонение вниз, так же, как и в УРСР, лежит в пределах 10 процентных пунктов, а отклонение вверх — немного выше. В общем и целом, следует отметить, что более сильная русификация или гибридизация БРСР по сравнению с УРСР подтверждается не только средним значением в исследуемой популяции, но и результатами подавляющего большинства всех отдельных респондентов.

Необходимо, конечно, прокомментировать различие между разговорами в семье и интервью в БРСР и отсутствием такового (различия не являются существенными) в УРСР. Русский язык в Беларуси однозначно является доминирующим кодом, за некоторым исключением неофициальной семейной сферы общения. Коммуникативная ситуация в интервью по сравнению с семейным разговором — более формальная: по крайней мере, интервьюирующийся является посторонним лицом. И даже тогда, когда респондент в большей степени говорит на смешанной речи, заметна тенденция в выборе словоформ из формального кода, из русского, или избегание словоформ из кода, который в официальном общении почти не играет никакой роли, из белорусского.

Несомненно, было бы неправильным сказать, что русский язык не играет больше никакой роли в общественной жизни Украины. Тем не менее, активное политическое продвижение украинского языка за последние 25 лет привело к определенному смещению

престижа и расширению сфер употребления украинского языка. На основании этого также оценивается полностью отличающееся речевое поведение белорусских и украинских респондентов. Тогда как первые в начале часовых интервью использовали русский (причем, конечно, иногда прослеживались различия во владении языком), чтобы позже перейти на БРСР, вторые, как правило, перед переходом на УРСР начинали с украинского, хотя в ряде случаев это создавало несколько напряженно-искусственное впечатление. Тем не менее, нельзя не заметить, что люди все больше обращаются к украинскому. Кроме того, необходимо принять во внимание, что интервью в Украине проводились после аннексии Крыма Россией и в начале кровавых конфликтов в Луганске и Донецке, что привело к заметному росту лояльности не только к Украине, но и к украинскому языку. Вследствие этого в интервью, в более формальных контекстах (по сравнению с разговорами в семье), наблюдается слегка повышенная доля 'украинских' словоформ (ср. также Табл. 1), а не 'русских', как в БРСР.

Данное исследование, ориентированное на говорящих, конечно, абстрагируется от целого ряда социальных факторов, влияющих на отличия между говорящими, например, возраст, определенное региональное происхождение, образование и т.д. Это в основном касается вариативности в указанных частотных коридорах УРСР и БРСР (подробнее об этом в другом исследовании).

Однако необходимо вкратце рассмотреть другие параметры вариации: многократно упоминалось, что БРСР лексически сильно русифицирована. Хентшель³⁹ обращает внимание на градацию между частями речи и на соответствие универсальной иерархии заимствований (ср. дискуссию в монографии Ярона Матраса⁴⁰) для БРСР. В обоих вышеописанных исследованиях словоформ были учтены все части речи, сейчас же в учет берутся только три основные знаменательные части речи: существительные (только нарицательные), глаголы и местоимения, то есть только небольшая часть иерархии. В расчет здесь берутся только основы⁴¹. Во-первых, 'украинские' / 'белорусские' основы

³⁹ Г. Хентшель, *Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь*, „Вопросы языкознания” 2013, № 1, с. 53–76.

⁴⁰ Y. Matras, *Language contact*, Cambridge 2009, с. 153–165.

⁴¹ Менцель и Хентшель показывают для языковых контактов между славянскими языками, что окончания, как правило, не перенимаются одни. Обычно они комбинируются не (или же крайне редко) со специфическими основами

сильнее всего должны быть представлены в местоимениях, так как заимствование грамматических выражений даже у близкородственных языков в принципе затруднено. Во-вторых, глаголы должны показывать более высокую долю «автохтонных» основ, чем существительные, поскольку последние, как известно, легче всего заимствуются; ср. таблицу 2:

Часть речи	у, %	б, %	N у	N б
сущ.	52,8	15,0	18395	12021
глагол.	67,9	34,1	30625	15312
мест.	89,3	49,5	20580	13617

Таб. 2: Доли 'украинских' / 'белорусских' основ

Ожидаемые конфигурации частотности представлены как в УРСР, так и в БРСР. (Указанные данные в сумме с 'русскими' и 'гибридными' основами составляют 100 %, т.е. 'общие' основы исключены). Тем не менее, значения 'белорусских' основ в БРСР во всех трех частях речи на 30–40 % ниже 'украинских' основ в УРСР. Максимальное значение 'белорусских' основ (у местоимений) даже ниже минимального значения 'украинских' основ (у существительных), разница между ними весьма значительна.

5. *Заключение.* Как в УРСР, так и в БРСР были определены сравнительно стабильные, узואльно-количественные «коридоры» долей токенов белорусских / украинских элементов с одной стороны и русских либо гибридных — с другой. УРСР (украинский суржик), исходя из этого, оказывается отчетливо менее русифицированным и гибридизированным, чем БРСР (белорусская трасянка). Это видно не только по подавляющему большинству соответствующих говорящих, но и по различным частям речи. Необходимо отметить, что это нельзя приравнять к общеизвестной большей структурной дистанции между украинским и русским языками (по сравнению с дистанцией между белорус-

языка-реципиента, но с общими и особенно — с соответствующими заимствованными основами; T. Menzel, G. Hentschel, *Flexionsmorphologische Irregularität im inner-slavischem Sprachkontakt. Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch / Ukrainisch – Polnisch vs. Kaschubisch / Lemkisch*, Frankfurt am M. 2017, с. 345.

ским и русским). УРСР действительно показала, как было представлено, значительно меньше украинско-русских диаморфов, чем БРСР — белорусско-русских. Но эти 'общие' элементы были исключены из анализа говорящих и частей речи, а брались во внимание только те структурные позиции, где наблюдался украинско- или белорусско-русский контраст. О других причинах вышеизложенных основных различий между УРСР и БРСР и о факторах вариативности в пределах частотных коридоров следует задуматься в другом исследовании.

Настоящая статья является дополненным вариантом текста *Die weißrussische 'Trasjanka' und der ukrainische 'Suržyk': grundlegende quantitativ-qualitative soziolinguistische Ähnlichkeiten und Unterschiede*, опубликованного в: *Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress*, Belgrad 2018. Hgg. von S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph, Wiesbaden 2018, с. 127–138 (= *Die Welt der Slaven. Sammelbände — Sborníki 63*). Анализ базируется на трех исследовательских проектах, поддержанных Volkswagenstiftung, Deutschen Forschungsgemeinschaft (DFG) и Fritz-Thyssen-Stiftung.

Gerd Hentschel

BIAŁORUSKA „TRASJANKA” I UKRAIŃSKI „SURŻYK”:
O NAJWAŻNIEJSZYCH RÓŻNICACH W STOPNIU WPŁYWU
JĘZYKA ROSYJSKIEGO

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony funkcjonującym na Ukrainie i Białorusi językom mieszanym — surżykowi i trasiance. Na podstawie wieloletnich badań uczonych z Oldenburga, a także współpracujących z nimi ukraińskich i białoruskich badaczy, autor przedstawia płaszczyzny, na których dochodzi do wpływu ruszczyzny na języki hybrydalne. Badania prowadzono przy użyciu metodologii ilościowej i jakościowej na materiale korpusów językowych powstałych na bazie danych zebranych w różnych regionach Białorusi i Ukrainy.

БЕЛОРУССКАЯ «ТРАСЯНКА» И УКРАИНСКИЙ «СУРЖИК»...

Gerd Hentschel

BELARUSSIAN „TRASYANKA” AND UKRAINIAN „SURZHYK”:
THE MAIN DIFFERENCES IN THE DEGREE OF RUSSIAN INFLUENCE

Summary

The article deals with the mixed types of speech in Ukraine and Belarus – Surzhyk and Trasyanka. On the basis of multidimensional research conducted by the scholars from Oldenburg University and their colleagues from Ukraine and Belarus, the author discusses the range of Russian influence on the hybrid languages. Both qualitative and quantitative analyses were made on the basis of corpora collected in various regions of Belarus and Ukraine.